

хозяев подозревать какую-то неисправность, но оказалось, что неисправность в действительности заключалась в исполнителях и что их игра и звучала как какофония. В живописи, как и в остальном, финны не уважали мастеров идеи и трудоемкого обучения технике. Каждая действительно революционная блестящая идея оказывалась достоянием публики. Это ужасало тех русских учащихся художественных училищ, которые стремились к мастерству через упорный труд и получали в сотоварищи по учебе финнов, не обладавших даже примитивнейшими навыками.

Эти финско-русские встречи, целью которых было искреннее стремление найти общий язык и понимание об этом мире, остались в прошлом уже поколение назад. Финны теперь отвергли Брежнева, а русские, со своей стороны, завели знакомство с постмодернистскими гуру. Никакой нивелировки, однако, пока не произошло. Финны по-прежнему не ценят культуру, а русские еще не перестали ее ценить. Пока еще между нашими народами в области культуры сказывается разновременность. Русские были спасены от «культурной революции» 1960-х гг. и можно полагать, что сохраненное ими наследие высокой культуры позволяет им судить современные культурные явления с позиций более серьезных, чем их западным коллегам.

Россия снова на распутье?

Многие не верили своим глазам, когда американский исследователь Александр Янов в 1978 г. опубликовал свою книгу *The Russian New Right*. Едва ли кто слышал, что в Советском Союзе существовало националистическое, не коммунистическое политическое течение. Еще реже могли счесть такое заслуживающим внимания. Но Янов, который несколькими годами ранее эмигрировал из Советского Союза, знал ситуацию лучше. Позже, в 1987 г., когда о горбачевских реформах и их возможных результатах нельзя было сказать ничего определенного, Янов опубликовал новую книгу — *The Russian Challenge and the Year 2000*. Обложку книги украшала икона, на которой голову образа Иисуса окружали вместо нимба снопы с герба Советского Союза и красная звезда. В тот период доверие к Янову несколько возросло, и когда Советский Союз затем рухнул, новые правые в России скоро были у всех на устах. Жириновского и новых нацистов боялись, предсказывали погромы. Казалось, что в России может повториться история Веймарской Германии.

Вышло, однако, по-другому. Осуществленная под руководством Ельцина либерализация привела, правда, к значительному хаосу и неслыханному ранее разворовыванию национальной собственности, но погромов, как и маршей голодных толп через границу на Запад, не произошло. Все смогли вздохнуть с облегчением. Россия теперь была демократичной страной, конституция которой гарантировала демократию, разделение властей, правовое государство и плюрализм, а также гражданские свободы и человеческие права. Теперь Янова можно было забыть.

Но после Ельцина прошло время. Теперь, к концу первого десятилетия 2000-х только очень небольшое число россиян считает труд Ельцина полезным для страны. Подавляющее большинство видит в нем прежде всего разрушителя. Напротив, Путин, с именем которого стали связывать после смерти Ельцина выздоровление России, был необычайно популярен. Медведев в идейном смысле следовал в его фарватере.

У популярности Путина имелись важные основания, и, прежде всего, следует упомянуть подъем рухнувшей экономики, который пришелся на период его президентства. Также выросший международный авторитет России был по душе большинству россиян, и многие верили, что Россия стала великой державой или, по крайней мере, скоро вновь станет таковой. Последним, но не менее важным фактором была для россиян прочность правительства. Говорят, что повсюду правительства делятся на хорошие и плохие, но в России — на сильные и слабые. На основании изучения общественного мнения и недавно осуществленного проекта «Имя России» можно говорить, что в значительной степени это правда. В российской истории особо высокий авторитет завоевали такие фигуры, как Иван Грозный или Ленин, которые безжалостно подавляли своих противников, оставив после себя едва ли что-то большее, чем дымящиеся руины.

Русские, однако, как кажется, привыкли к мысли, что центральная власть должна быть прочной и даже бесцеремонной. Только так можно достичь больших успехов, чем это было во времена Сталина. Напротив, демократия вызывает у русских смешанные чувства. Хотя ее плоды ценятся, к собственно демократическим органам и институтам не испытывают уважения, на них не полагаются. Осуществленное в 1990-х гг. разграбление национальной собственности записали на счет «демократов», и тень этого темного дела легла на понятие «демократ». Согласно исследованию Левада-центра, в 2008 г. 60% россиян считали, что демократия означает,

прежде всего, высокий уровень жизни. Только 8 % считали, что она предполагает плюрализм мнений и нахождение средств массовой информации вне государственного контроля.

То, что Путин сузил влияние демократических институтов и сосредоточил его в собственных руках, кажется, еще недавно не беспокоило огромное большинство народа России. Успех партий, позиционирующих себя как демократические, от выборов к выборам становился скромнее, и исследования показывали, что это не результат манипуляций.

Хотя русские верят в сильного лидера, это не означает, что они не ценят правовое государство и гражданские права. Однако их осуществление считается довольно нереалистичным, особенно в том, что касается свободы слова, большинство все же поддерживает некоторые ограничения. В сильном президенте видят также лучшую защиту осуществления прав и свобод.

Можно утверждать, что развитие пошло довольно целенаправленно в направлении утраты западными ценностями своего обаяния или их осуществление не считается возможным в России. Еще пятнадцать лет тому назад только 15 % народа верило, что Россия должна идти своим собственным историческим путем, а свыше 70 % считали лучшим западный путь развития. В конце первого десятилетия XXI в. ситуация была уже диаметрально противоположной. 76% поддерживало «собственный» путь развития, а из получивших образование — даже 80 %. В дискуссии в авторитетном журнале «Социологические исследования» один из участников считал, что произошел исторический поворот: Россия теперь выздоровела от болезни либерализма и ориентируется на «левые» ценности. Это, правда, происходит в патерналистском духе, при неверии в демократию.

Александр Янов в своей вышеупомянутой книге о России создал образ централизованного государственного организма, развитие которого идет циклически — от реформ к контрреформам. Хотя в России не раз пытались вырваться из заколдованного круга этатизма и сблизиться с «европейской семьей», за периодом реформ снова следовал период контрреформ, а затем стагнация или диктатура. Очерчивая линии развития будущего Советского Союза, Янов два десятилетия тому назад обозначил 1985 г. как распутье, от которого вели два возможных пути развития: один — к «европейской семье», второй — к контрреформам. Если сегодня мы заполним диаграмму, то сможем констатировать, что первоначально развитие шло по первому пути, а затем по второму. У Янова

предусматривалась еще возможность «необратимых реформ», но ее мы можем пока вычеркнуть из наших расчетов.

Спекуляции, подобные яновским, разумеется, не следует принимать всерьез. Вместе с тем они могут дать тему для размышлений. Хотя шаблоны Янова и основывались на довольно грубых предположениях, в них есть кое-что для критического осмысления. Янов рассматривал циклы развития славянофильских идей и считал, что у них есть склонность становиться все более жесткими и авторитарными, при этом признается союз с государством, в отношении которого первоначально проявлялась оппозиционность. Исходные идеалы славянофилов — гуманные и красивые, но когда государство запрягается как их проводник, они на практике служат, прежде всего, авторитаризму, шовинизму, империализму и дискриминации. Абсолютистская монархия в идеальной действительности — лучшая гарантия действительной законности, но если вера в это приводит к разрушению демократического управления и правоприменительной практики, открывается путь к тирании и произволу.

Поэтому представляется, что книга Янова ныне актуальна как никогда. У руководства России еще недавно, как казалось, была от народа доверенность на то, чтобы идти «собственным, русским путем развития». Понятие «суверенная демократия» и комиссия по истории — едва ли не верстовые столбы особого пути развития. О том, что на этом пути всего можно ожидать, дают намеки свежие идеологические сочинения последних лет, которые, кажется, пользуются благорасположением и поддержкой Кремля. Они борются как с демократией, так и с массовой культурой и службой мамоне, которые клеймятся как нерусские явления. Несколько лет тому назад неизвестный автор известной серии «Проект Россия» выпустил третью часть, в предисловии к которой указывалось, что тираж достигает миллиона. В третьей части авторский коллектив провозглашает создание «группировки», которая анонимна и невидима, но выступает против любого западничества, в духе русского православия и за новую цивилизацию.

Внимание на себя обращает то, что первый вариант первого тома книги первоначально распространялся только среди высшего руководства. Так что подозрения о личности авторов следует направить именно туда. Авторы, однако, кокетничают своей анонимностью и подчеркивают, что каждый, кто утверждает, будто знает их, лжет, — никто не знает. Анонимность подчеркивается уже в обращении издательства, напечатавшего книгу. В нем авторам предлагается

установить с ними связь, чтобы можно было выплатить им гонорар за миллионный тираж.

Осенью 2010 г. последовала разрядка напряжения. Третья часть книги с подзаголовком «Великая идея» теперь была снабжена именем автора — Юрий Викторович Шалыганов. Тем самым было дано понять, что речь идет о личности, которая не занимает никакого официального положения. Тираж книги был еще небольшим — сотня тысяч, но его навязывание не может не вызывать удивления. В книге констатировалось, что надвигаются тяжелые времена, что связано со сломом цивилизации потребления. Предрекалось, что государство как институт покинет подмостки истории. Вопрос теперь стоит о том, перемелют ли эти процессы Россию в пыль или воздвигнут ее на пьедестал как нового духовного лидера мира. «Проект Россия» был адресован тем, кто осмелится объединиться в деле создания новой цивилизации и нового бытия. Однако за множеством пышных слов в книге почти ничего нет. Теократия упоминается как форма правления, к которой России следует перейти, и членам проекта следует способствовать этому в рамках системы. Публично следовало подвывать волком в стае волков, но в узком круге следовало говорить иначе. Теперь вся Россия знает бренд «Проект Россия», но как таковой он не участвовал в политической борьбе, а использовался для системы. «Очень скоро, — писал автор, — мы принесем в мир то, чего в нем не было сотню лет, — Великую идею». Частично она в книге уже обрисована, но полностью она проявит себя только в новом проекте. Идея будет светить ярко, как прожектор во тьме, обещается читателю. Наступает время России: «Россия — не место спасения, а место, откуда спасение придет. Это государство, имя которого Россия, вероятнее всего, исчезнет. Однако до этого оно исполнит свою вселенскую задачу и спасет человечество. Не все, но ту его часть, которая захочет спастись...».

Весь «проект» производит исключительно странное впечатление. Поневоле возникает чувство, что дело в задуманной на самом верху операции, цель которой заключалась в усилении доверия к линии правительства со стороны националистических и прочих антизападнических кругов. Существующий механизм проект явно поддерживал и особенно подчеркивал то, что власть должна быть долговременной, а страну необходимо спасти от вызванных демократией перемен. Когда проект выполнит свою задачу, он может быть остановлен, а на подходящее подставное лицо будет возложена вся ответственность. Специальные службы России уже получили значительный опыт в сфере дезинформации еще в советские времена.

В конце первого десятилетия XXI в. российские власти, кажется, снова стоят перед новыми вызовами. Действительной проблемой становится то же самое явление, которое угрожало превратиться в ограничителя сталинского самовластия в 1930-е гг. Служащие органов безопасности, которых бывший руководитель ФСБ Патрушев называл «новым дворянством», кажется, уже никем не контролируются. В советское время все контролировала партия, но теперь вассалы начали становиться самостоятельными, как в свое время рыцари-грабители.

Снова модернизация

В это время глобализации Россия может стать нашей исключительной возможностью, нашим «Китаем». Дружественные отношения с расположенным по соседству центром роста могли бы стать естественным козырем и спасением для нашей экономики, оказавшейся под жесткой рукой глобализации. Эта мысль вытекает из подготовленного в середине последнего десятилетия доклада SITRA¹ «От торговли к партнерству», центральной идеей которого было то, что главной целью сотрудничества с Россией должна быть не только торговля, а долгосрочная стратегия сотрудничества с общими целями и успешная совместная деятельность.

Доклад рекомендует усиление знания и изучения России, овладение языком и целенаправленное преодоление иррациональных предрассудков уже с детского возраста, расширение обменов учащимися и т. д. Интерес русских к нашей стране также следовало попытаться усилить.

Эти рекомендации и идея партнерства как огромной возможности основывается на компетентном анализе. Разработчики доклада также обращали внимание на застарелую проблему: России бояться и остерегаются вне зависимости от того, что она делает или что в ней говорится. Любая новость, касающаяся России, воспринимается прессой и широкой публикой в совершенно определенной системе координат — опасность, непредвиденность и чуждость. К этому можно добавить миф об извечной непостижимости России и упорное нежелание финнов даже попытаться выяснить, как в действительности обстоят дела. Россия воспринимается не иначе как Советский Союз и даже как сталинский Советский Союз,

---

¹ Финский инновационный фонд (Suomen itsenäisyyden juhlarahasto).